

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'16
doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17

ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «ИНТЕРРОГАТИВНОСТЬ» В ЛИНГВИСТИКЕ

Катерина Юрьевна Гладкова

старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-код: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Статья поступила в редакцию 25.02.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гладкова К. Ю. Трактовки понятия «интеррогативность» в лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 2. С. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17

Please cite this article in English as:

Gladkova K. Yu. Traktovki ponyatiya «interrogativnost'» v lingvistike [Interpretations of the Notion 'Interrogativity' in Linguistics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 2, pp. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2020-2-5-17 (In Russ.)

Статья посвящена обзору трактовок понятия «интеррогативность», достаточно подробно изученного в различных научных дисциплинах, в числе которых – философия, логика, психология, педагогика, социология, лингвистика, литературоведение и др. Целью исследования является анализ трактовок понятия «интеррогативность» в лингвистике с точки зрения разных аспектов: коммуникативного, функционально-прагматического, семантического, стилистического, грамматического. Изучены исторический контекст возникновения и развития феномена «вопрошание» в философии, а также понимание термина «интеррогативность» в логике. Автор приходит к выводу, что в лингвистике наследуется логико-философское понимание интеррогативности с позиций ее гносеологического потенциала, а также развиваются представления о способах репрезентации интеррогативности в языке, семантике, функциях и ее роли в текстах разных функциональных стилей. С собственно лингвистической точки зрения интеррогативность понимается как функционально-семантическая категория, обладающая различными способами представления в языке. Исследователями отмечается сложность семантики и функциональная неоднородность интеррогативности, вследствие чего возникает проблема несоответствия вопросительной семантики и способов ее языковой репрезентации. Таким образом, автор полагает возможным говорить о наличии в тексте явной, эксплицитной интеррогативности, которая выражена формальными показателями вопроса (интонация, инвертированный порядок слов, слова-маркеры), а также имплицитной интеррогативности, которая выявляется в контексте, но не выражена формально вопросительными средствами. В функциональном аспекте интеррогативность непосредственно связана с текстообразующей функцией, а также служит реализации функции образности в художественном тексте, точности в официально-деловом, экспрессивности и апеллятивности в публицистическом и научности в научном тексте.

Ключевые слова: интеррогативность; интеррогатив; вопрос; лирический вопрос; риторический вопрос; семантика; прагматика; функциональный стиль.

Феномен «вопрошание» имеет давнюю историю в науке: впервые проблема осмысления человеком себя, мира, своего места в нем, сформулированная в форме вопроса, появляется в так называемых предфилософских текстах, найденных в Древней Греции, Древнем Китае, Древнем Египте. В собственно философской традиции данный феномен берет начало в античной философии, и его осмысление неразрывно связано с развитием философии на каждом историческом этапе. В науке хорошо известен метод Сократа, подразумевающий способ познания и самопознания путем постановки вопросов и поиска ответов в процессе диалога. Исследователи биографии Сократа и его метода полагают, что диалог являлся искусным способом изучения морально-этических, философских, политических проблем [Нерсеянц 1996]. Ключевую роль в процессе сократовского диалога играло искусство задавать вопросы, которые позволяли «выявить границы знания и незнания собеседника» [там же]. Вопрос был направлен, с одной стороны, на испытание собеседника, на доказательство факта ограниченного знания или отсутствия знания о том или ином явлении. С другой стороны, вопрос рассматривался как средство самопознания, своеобразного «рождения» истины в голове собеседника [Кессиди 2001].

Исследователями также отмечается идея поиска и самопознания у Гераклита, который исторически является предшественником Сократа. Например, анализу подвергается известное изречение Гераклита «Я исследовал самого себя». М. Н. Вольф утверждает, что использованный в изречении глагол имеет помимо значений «исследовать», «искать» такие значения, как «расспрашивать», «разузнавать» [Вольф 2011: 148].

Последователь Сократа, Платон, наследует сократовское представление о вопрошании как способе получения нового знания. Считается, что Платон вслед за Сократом использует вопрошание как метод получения знания, который в сократовской традиции называется «эленхос», или «опровержение» [там же: 150].

В «Аналитике» вопрос осмысливается Аристотелем как средство развития мысли, вопрошание способствует аналитическому рассуждению и последовательному изложению умозаключений [Аристотель 1952]. Целью вопрошания является постижение сущности вещей и явлений, совершение доказательства. Однако в трудах Аристотеля существует другое понимание функции вопрошания, а именно риторическое вопрошание, цель которого заключается в словесном обезоруживании противника на суде.

Таким образом, в античной философии новое знание выводилось в процессе аналитического

осмысления явлений действительности посредством поиска ответов на вопросы о сущности вещей, причинности, взаимосвязях различных явлений. Кроме того, возникало понимание вопрошания как средства убеждения в риторике.

В философии XVII в. проблема вопрошания осмысливается в связи с развитием наук и научных методов. Так, один из представителей классической парадигмы в науке Рене Декарт предложил определение понятия «вопрос», а также анализ структуры вопроса с позиций логики. Под вопросом Р. Декарт понимал «все то, в чем отыскивается истинное и ложное» [Декарт 1989]. В каждом вопросе необходимо наличие области известного и области неизвестного, которая должна быть определенным образом обозначена через условия, которые нам известны [там же]. В концепции Декарта важную роль играет категория понимания. В решении научной проблемы, или в ответе на вопрос, понимание является необходимым условием, при котором вопрос может быть проанализирован и разложен на составные части с целью выявления сущности проблемы. Таким образом, Декарт демонстрировал структурно-логический подход к пониманию феномена вопрошания.

В западной философии XX в. роль, структура, функции вопросов осмысливаются в том числе трудах М. Хайдеггера. Ключевую проблему своей философии М. Хайдеггер формулирует как вопрос о бытии. Он определяет вопрошание как целенаправленное, познающее искание сущего, таким образом, акцентируя гносеологический характер этого феномена [Хайдеггер 2003]. Целью вопрошания является поиск, или исследование сущего в его экзистенции, следовательно, философское вопрошание носит также онтологический характер. М. Хайдеггер осмысливает специфику фундаментальных вопросов, раскрывающих сущностные свойства явлений действительности. По его мнению, вопрошание само есть сущее, которое должно быть изучено и определено с целью осмысления вопроса о смысле бытия. Важную роль в вопросе о смысле бытия играет категория «вот-сущее», или «Dasein», которая трактуется в философии как человек или способность человека понимать бытие. Согласно М. Хайдеггеру, вопрошание является способом существования «вот-сущего» [Хайдеггер 1998].

Роль и сущность вопрошания с позиций герменевтики были осмыслены Г. Г. Гадамером, который считал, что любое вопрошание происходит из опыта, поскольку человеческое познание осуществляется посредством вопрошания. Причиной вопрошания Г. Г. Гадамер полагает ситуацию «знания незнания» [Гадамер 1988]. Сущ-

ностным свойством вопроса является его осмысленность, или, по мысли исследователя, его направленность на определенную сферу, в сторону «бытия опрашиваемого» [Гадамер 1988]. Смыслом вопроса является его способность «раскрыть» объект вопрошания в его проблематичности. Категория осмысленности вопроса в концепции Г. Г. Гадамера связана с категорией «открытости», т. е. неизвестности ответа заранее. По этому принципу исследователь противопоставляет «подлинный вопрос» «педагогическому» и «риторическому» вопросам, поскольку в первом случае знание невыводимо и ответ известен заранее, а во втором случае ответа на вопрос не предполагается. Вместе с тем открытость вопроса ограничена определенными предпосылками, исходным знанием, что в терминах Г. Г. Гадамера обозначается «горизонтом вопроса» [там же]. Таким образом, вопрошанию присущ дуализм открытости-ограниченности, исходного знания и незнания, который приводит к выведению нового знания. Г. Г. Гадамер открыто формулирует гносеологическую ценность вопрошания: «Решение вопроса есть путь к знанию» [там же]. Утверждая диалогичность знания и ценность вопросно-ответной формы его выведения, исследователь приходит к выводу, что вопрошание, играющее ключевую роль в стимулировании беседы, дискуссии, где основными принципами являются доказательность и уважение к мнению собеседника, способствует мышлению в принципе.

Г. Г. Гадамер раскрывает значение вопрошания в процессе интерпретации текстов, т. е. обосновывает ценность вопрошания в постижении смысла текста. В его концепции текст является своего рода ответом на вопрос, который необходимо реконструировать с целью понимания смысла текста. Текст, как и ответ, по мысли исследователя, ограничен в смысловом плане «горизонтом вопроса» [там же], который, как уже было сказано выше, диалектически сочетает в себе категории открытости и ограниченности. Однако процесс понимания текста намного шире, чем реконструкция исходного вопроса, на который мог бы ответить данный текст. Любой текст проблематичен, он сам является неким вопросом, в решении которого исследователь обращается как к реконструкции, так и к осмыслению интенций автора текста. Кроме того, диалогичность текста предполагает его открытость интерпретациям. Г. Г. Гадамер утверждает «принципиальную незавершенность того смыслового горизонта», в котором находится текст [там же].

Таким образом, понятие «интеррогативности» в философии непосредственно связано с процессом познания сущностных сторон объектов и

явлений окружающей действительности. Философское вопрошание осмыслялось в истории философии в аспекте диалогичности процесса познания; изучался логический потенциал вопроса; вопрошание исследовалось в качестве научного метода, а также как механизм отражения объективной реальности; отмечалась роль вопрошания в процессе рефлексии и интерпретации текстов.

Логика как раздел философии продолжает развивать понимание феномена «вопрошание» в аспекте его гносеологической значимости. В логике вопрошание трактуется, с одной стороны, с позиций формальной логики, согласно которой вопрос противопоставляется суждению, с другой стороны, с позиций интеррогативной логики, или логики построения компьютерных поисковых систем. С позиций современной философии и логики вопросно-ответное единство определяется как мыслительная и языковая структура, фиксирующая и устраняющая познавательную неопределенность в мышлении [Прытков, Ивлев, Симонов 2019]. Вопрос в логике осмысляется как высказывание, фиксирующее недостаток знания о каком-либо объекте, явлении или ситуации и побуждающее к устранению неопределенности, восполнению информации [там же]. В логике существует раздел, изучающий логику вопросов, способы построения вычислительных и поисковых компьютерных систем, – интеррогативная логика. Основоположники концепции интеррогативной логики Н. Белнап и Т. Стил разграничивают понятия «естественный язык» и «формальный язык» и предполагают, что примеры вопросов, взятые из естественного языка в результате логического анализа, будут переведены на формальный язык, необходимый для функционирования поисковых систем [Белнап, Стил 1981]. Авторами осмысляются ключевые для их теории понятия: «вопрос», «ответ», «интеррогатив»; дается классификация вопросов и интеррогативов; производится логический анализ грамматики и семантики вопросов; исследуется структура вопроса и ответа. Под вопросом понимается категория естественного языка, формальным представлением которого на языке компьютерных систем является интеррогатив. Вводится понятие элементарного вопроса, в структуру которого входит абстрактный субъект и абстрактная предпосылка. Помимо элементарных вопросов авторы выделяют составные вопросы, состоящие из элементарных вопросов, и вопросы типа элементарных, в число которых входят «вопросы-идентификации», «вопросы-описания», «что-вопросы» и «сколько-вопросы» [там же].

В работах финского исследователя Я. Хинтикки, в сферу научных интересов которого вхо-

дили проблемы философии, математики и логики, а именно эпистемологии, математической логики, теории игр и т. д., представлена и описана интеррогативная модель запроса / поиска / познания (interrogative model of inquiry). Рассматривая модель интеррогативности в аспекте теории игр, Я. Хинтикка пишет о том, что описываемая модель включает в себя два ключевых компонента: спрашивающего (The Inquirer) и источник информации, или природу (...the source of information we call Nature) [Hintikka, Harris 1988]. Процесс познания сводится к тому, что спрашивающий, обладающий некоторым количеством исходной информации, или предпосылок (a set of premises), посредством вопросов и средств дедуктивной логики стремится к приращению знания о том или ином объекте или явлении окружающей действительности. Если спрашивающему удастся получить ответ на поставленный вопрос, полученная информация пополняет исходный набор предпосылок. В случае если вопрос безответен, но на него нельзя дать истинный ответ, источник (природа) дает ложный ответ на поставленный вопрос.

А. Мутанен развивает идеи Я. Хинтикки относительно интеррогативной модели познания, анализируя роль интеррогативности в науке вообще, философии и методологии научного исследования. Например, он уточняет характер и функции базовых компонентов интеррогативной модели: спрашивающего и источника информации. Так, спрашивающий обладает определенной стратегией поиска информации: опираясь на известное знание и эмпирический материал, он выстраивает стратегию, включающую характер и способы постановки необходимых ему вопросов. Источник информации не является неограниченным, спрашивающий может использовать только те источники, которые ему доступны [Mutanen 2011]. Кроме того, А. Мутанен предлагает ввести в интеррогативную модель новый элемент («оператор»), необходимый для верификации полученных сведений, и разработать логику верификации, которая также могла быть компонентом представленной модели.

В концепции Л. Я. Аверьянова вопрос рассматривается как форма мышления и как форма выражения концептуального знания. Исследователь описывает вопросно-ответные отношения как форму социальной деятельности людей, поскольку они основаны на общих принципах межличностных отношений [Аверьянов 1993]. Вопрос представлен, с одной стороны, как система, обозначающая определенный процесс или явление действительности, с другой – как выражение формы процесса познания, в основе которого лежит противоречие между старым и новым зна-

нием. В аспекте гносеологии вопрос представляет собой гипотетически-концептуальное знание, или определенную переходную форму от возможно истинного знания к истинному знанию.

Таким образом, в логике интеррогативность рассматривается с позиций формальной логики в аспекте противопоставления вопроса суждению, а также с позиций интеррогативной логики в аспекте построения компьютерных моделей запроса информации. В логике акцентируется непосредственная роль интеррогативности в процессе получения знания, а также предлагаются лингвистические классификации вопросов с логической точки зрения.

Логико-философские истоки категории «интеррогативность» находят дальнейшее развитие в лингвистике, где изучается ее семантический и функциональный потенциалы, а также способы языкового выражения. Под интеррогативностью мы вслед за А. В. Логиновым понимаем функционально-семантическую категорию, единство семантики запроса о неизвестном и системы ее выражений в языке [Логинов 2012б: 82]. В качестве языковых и речевых проявлений интеррогативности выступают вопросительные и невопросительные предложения и высказывания, в структуре плана содержания которых актуализированы семы неизвестности и запроса информации. Проблеме вопросительного предложения и высказывания, описанию его структуры, функций, семантики, стилистических особенностей и роли в дискурсе посвящено много работ. Результаты этих исследований позволяют сделать вывод о том, что в силу асимметрии языкового знака вопросительные по форме предложения и высказывания могут обладать как вопросительной, так и невопросительной семантикой, в то время как формально невопросительные предложения могут подразумевать семантику запроса информации. Отсюда возникает проблема неоднородности семантического и функционального потенциала вопросительных предложений и высказываний, которая освещена в ряде работ по семантике, грамматике и стилистике вопросительных предложений, а также послужила созданию ряда классификаций.

С точки зрения языковой формы вопросительному предложению присущи определенный интонационный контур, порядок слов, наличие вопросительных местоимений, наречий, частиц. Считается, что перечисленным формальным средствам отводится основная роль, поскольку с их помощью любое невопросительное предложение может стать вопросом или переспросом [Шведова 1980]. Вопрос может быть представлен синтаксически самостоятельным предложением или войти в состав сложного предложения [там же].

В грамматике принято классифицировать предложения по цели высказывания на повествовательные, восклицательные и побудительные. Побудительные предложения могут быть далее разделены на повелительные и вопросительные предложения. Целью вопросительных предложений, таким образом, является побуждение сообщить неизвестную информацию говорящему или ответить на вопрос [Пешковский 2001: 392]. Ученым перечислены также формальные отличительные признаки вопросительного предложения, а именно наличие вопросительных слов, обратный порядок слов, наличие особой интонации. Классификация вопросительных предложений включает «чистый вопрос», который с функциональной точки зрения сегодня принято называть собственно-вопросом, или вопросом в первичной функции, и «переходные вопросы», занимающие положение между вопросом и сообщением, или, в современных терминах, вопросы, реализующие вторичные функции [там же: 393–394].

Изучению проблемы вопросительного предложения с позиции его функционирования и семантики посвящен ряд работ по грамматике. В концепции В. В. Виноградова, например, предложение определяется как «грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Виноградов 1975]. В качестве определяющих признаков предложения предлагается рассматривать предикативность, т. е. отношение содержания высказывания к реальной действительности, и интонацию. Предикативность предложения проявляется в таких грамматических категориях, как модальность, время, лицо. По В. В. Виноградову, именно многообразие форм проявления предикативности обуславливает разнообразие конкретно-языковых форм предложений русского языка. Автором различаются типы предложений по их модальности и функции: повествовательные, вопросительные и побудительные. Вопросительные предложения, наряду с побудительными и восклицательными, рассматриваются в контексте противопоставления формального и актуального членения предложения как пример субъективного порядка слов в предложении, целью которого является грамматически выразить эмотивность высказывания [там же]. Таким образом, несмотря на то что в концепции В. В. Виноградова предложение представлено с формальных позиций, тем не менее, особое внимание уделяется функционированию предложения в коммуникативном контексте.

В ряде зарубежных работ по синтаксису представлен коммуникативный подход к проблеме

вопросительного предложения. В концепции О. Есперсена отмечается коммуникативная вариативность вопроса: от выражения идеи приказа до вежливой просьбы [Есперсен 1958]. Он предлагает рассматривать два типа вопросов: некусные вопросы (общие вопросы в терминах формальной грамматики) и «иксовые» вопросы (специальные в терминах формальной грамматики). Различия между данными типами вопросов заключаются в характере ответа на них, характере используемой интонации (восходящая и нисходящая). Предлагается также группа альтернативных вопросов, которые находятся между некусными и иксовыми и характеризуются смешанным тоном. Автор перечисляет формальные признаки, отличающие вопросительные предложения от других видов высказываний, в число которых входят: вопросительные слова, интонация, порядок слов. В целом очевидно, что О. Есперсен акцентирует коммуникативную роль вопросительных предложений, затрагивая проблему несоответствия семы вопросительности формальному ее выражению и приводя в пример риторические вопросы, вопросы-выражения удивления, эмотивные вопросы [Есперсен 1958].

Проблема неоднородности и сложности семантического и функционального потенциала вопросительных предложений находится в центре внимания многих исследователей. Изучая вопросы лингвистической семантики, Н. Д. Арутюнова предлагает классифицировать вопросительные предложения на вопросы идентификации и бытийные вопросы. Функцией вопросов идентификации является установление тождества, семантическим принципом организации темы является проблема отождествления (например, у переспросов). Бытийные, или экзистенциальные, вопросы делятся на общие вопросы и специальные вопросы и включают посессивные предложения, высказывания о пространственном вхождении предмета в микромир человека, высказывания о вхождении лиц в микромир человека, высказывания о наличии внешних обстоятельств в жизни человека. Далее в структуре семантики каждого из классов вопросов может быть актуализирован один из элементов (в зависимости от класса): предикат бытия / наличия, область бытия, показатель количества, показатель качества, локализатор, функция и др. [Арутюнова 1976].

Деление функций вопросительных предложений на первичные (поиск информации) и вторичные (передача сообщения) используется в классификации, предложенной Н. Ю. Шведовой [Шведова 1980]. Первичные функции, по мысли исследователя, основаны на трех факторах: характер и объем ожидаемой информации, осве-

домленность говорящего о предмете вопроса и ожидаемый ответ. Каждый из предложенных факторов является основой разделения вопросов на классы. Таким образом, по характеру и объему ожидаемой информации вопросы делятся на общевпросительные (направлены на получение информации о ситуации в целом) и частновпросительные (направлены на получение информации об отдельной стороне явления, факта, ситуации). По параметру осведомленности говорящего различают три группы вопросительных предложений: собственно вопросительные, неопределенно-вопросительные (выражение коннотации неуверенности, догадки, сомнения), констатирующе-вопросительные (сочетание значения вопросительности и уверенности). По параметру ожидаемого ответа выделяют две группы вопросов: предложения, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания, и предложения, требующие открытого ответа, т. е. сообщения [Шведова 1980]. С точки зрения вторичных функций вопроса, ориентированных на передачу семантики эмотивности, предлагается следующая классификация: вопрос с семантикой экспрессивно окрашенного утверждения; вопрос с семантикой экспрессивно окрашенного отрицания; вопрос-уяснение с коннотациями удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения; вопрос-побуждение; вопрос-выражение эмоциональной реакции говорящего; вопрос с целью активации внимания [там же].

В концепции И. Л. Кобозевой также предлагается разделение функций вопросительных предложений и высказываний на первичные, подразумевающие выражение вопроса, т. е. запроса информации, и вторичные, например, просьба, утверждение, сомнение, удивление и др. [Кобозева 2000]. Под собственно вопросом понимается тип речевого акта, характеризующийся следующими условиями успешности: условием пропозиционального содержания, подготовительными условиями (знание ответа адресатом и незнание ответа адресантом), условием искренности (наличие у адресанта желания знать ответ), условием назначения (нацеленность на получение информации). Соблюдение всех этих условий позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое высказывание является вопросом, реализованным в своей первичной функции [Кобозева 2000].

Исследователи полагают, что функциональный потенциал интеррогативных высказываний намного шире непосредственного запроса информации и включает в себя такие функции, как утверждение, побуждение, совет, волеизъявление, эмотивность и др. [Логинов 2012а]. Этот лингвистический феномен возможен в силу многофункциональности и гибкости вопросительной

структуры, большей ее сложности по сравнению с повествовательной структурой, а также ввиду конкретных условий коммуникативной ситуации (например, собственно языковые возможности адресата и прагматические условия речевой ситуации). В конкретном речевом акте, таким образом, собственно интеррогативное значение высказывания может быть нейтрализовано, например, в структурно-семантическом плане при актуализации восклицательного значения и значения эмотивности или в плане содержания при актуализации значения утверждения [там же]. Анализируя семантику интеррогативных высказываний, автор приходит к выводу, что невопросительные коннотации заложены в них имплицитно, например, сема «запрос информации» имплицитно подразумевает коннотации сомнения и неуверенности, а сема «адресованности» предполагает коннотации участия, контакта, сближения, причастности [там же: 106]. Следовательно, выявляются два типа интеррогативности: истинная, реализующая функцию запроса информации, и мнимая, реализующая косвенные функции [там же].

Проблема функционально-семантической неоднородности вопросительных предложений, а также проблема несоответствия вопросительной семантики ее формальной языковой реализации находит свое развитие также с позиции теории речевых актов. В рамках данного направления вопрос рассматривается в аспекте реализации императивных и вторичных функций в процессе акта коммуникации: с одной стороны, иллокутивная направленность вопросительных высказываний заключается в том, чтобы заставить слушающего совершить действие или дать ответ, и в этом случае вопрос является частным случаем директивов [Остин 1986, Серль 1986]. С другой стороны, вопрос можно рассматривать как частный случай косвенного речевого акта, т. е. такого иллокутивного акта, при реализации которого говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает [там же]. Примером такого акта являются косвенные просьбы, репрезентированные на уровне языка вопросительными предложениями, но коммуникативно не являющиеся вопросами.

В современной лингвистике изучение проблемы вопросительных высказываний в аспекте теории речевых актов достаточно распространено. Исследователями анализируются различные разновидности вопросов, например, встречный вопрос, риторический, монологический, проблемный вопрос и другие, а также их функционирование в дискурсе. Например, Л. А. Мостовая, изучая специфику риторического вопроса, относит его к категории косвенных речевых актов на том основании, что план выражения и

план содержания риторического вопроса асимметричны. Иллокутивная функция вопроса данного типа заключается в передаче сообщения, а не в собственно запрашивании информации [Мостовая 2009]. В концепции Л. А. Мостовой проводится различие между риторическим вопросом и другими речевыми актами с функцией сообщения, такими как упрек, рефлексивный вопрос и монологический вопрос. Рефлексивный вопрос трактуется как проявление акта автокоммуникации, поскольку он обращен адресантом самому себе. Целью вопроса такого рода является констатация факта в ситуации недоразумения, поэтому он зачастую приобретает эмоционально-оценочную коннотацию. Специфика монологического вопроса заключается в том, что адресант, задавая монологический вопрос, сам на него отвечает. Функцией монологического вопроса является диалогизация монологического высказывания [там же]. К разряду косвенных речевых актов исследователь относит также вопросительные конструкции со значением отрицания, которое формально не выражено в предложении. Такие конструкции реализуют в речи целый ряд непрямых значений: упрек, побуждение прекратить действие, экспрессивное отрицание [Мостовая 2008].

Таким образом, в представленной концепции освещены разновидности вопросительных предложений, которые являются таковыми только с формальной точки зрения, поскольку семантика интеррогативности в них не реализована. В концепции И. Б. Сычевой рассматриваются особенности функционирования встречного вопроса, который трактуется как реплика, появляющаяся в диалоге в качестве реакции на предшествующее высказывание и обладающая формальными (грамматическими и интонационными) свойствами вопросительности [Сычева 2008: 3]. Встречные вопросы могут использоваться в коммуникации в их прямом и непрямом употреблении, а также могут быть охарактеризованы как кооперативные и некооперативные речевые акты [там же: 7]. С точки зрения функционирования встречные вопросы могут служить как для восполнения информации, так и для уточнения, познания, предположения и т. д. [там же: 13–14]

Вопросительная интенция, по мысли Т. Г. Волошиной и Г. В. Мироновой, может быть репрезентирована в речи с помощью следующих типов косвенных речевых актов: декларативов, директивов, эгзортивов, каузативов. Исследуя специфику кинодискурса на материале киносценариев как наиболее приближенных к естественному общению, авторы приходят к выводу, что декларативы в форме вопроса наиболее частотно использованы в киноречи для придания диалогам

драматического эффекта. Итак, авторы утверждают, что вопросительные конструкции эффективно реализуют помимо прямой иллокутивной функции устранения неопределенности и получения информации также ряд косвенных функций [Волошина, Миронова 2017].

В целом, интеррогативность как коммуникативное намерение может быть реализована в речи прямо, т. е. для снятия неопределенности в коммуникативной ситуации или для расширения знания относительно объекта или явления действительности, и косвенно, формально, т. е. для достижения определенного прагматического эффекта. В аспекте теории косвенных речевых актов наблюдается тенденция к реализации семантики невопросительности формальными средствами вопросительного предложения, за счет чего достигается необходимое воздействие на собеседника.

Экспрессивность и воздействующая функция вопросительных предложений и высказываний подробно изучена в стилистике. Начиная с работ Аристотеля риторический вопрос осмысливается как один из способов эстетического оформления речи, способ убеждения, апелляции к аудитории, способ концентрации внимания на некоем проблемном аспекте речи и т. д., т. е. рассматривалось не прямое, вторичное функционирование вопроса. В современной стилистике под риторическим вопросом понимается «особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы» [Гальперин 1958: 215–217]. Таким образом, автор указывает на обозначенную нами выше проблему несоответствия невопросительной семантики в данном случае риторического вопроса его формально вопросительному языковому выражению. По мысли И. Р. Гальперина, языковой механизм выражения невопросительной семантики в вопросительной форме актуализирует эмоциональность и эмпатичность подобного высказывания, позволяет понять отношение говорящего к предмету мысли. Приводятся разные виды риторических вопросов, например, эмоционально-утвердительные предложения и вопросительно-отрицательные предложения. С точки зрения употребления риторического вопроса в дискурсе полагается, что наиболее уместно его употребление в устной публицистике, а также в художественном дискурсе [там же: 215–217].

Результаты изучения проблемы несоответствия формы и содержания в вопросительных предложениях и высказываниях отразились в ряде стилистических классификаций, основанных на переосмыслении значения и функций синтаксических конструкций. Например, в кон-

цепции И. В. Арнольд вводит понятие транспозиции, т. е. функционально-стилистического сдвига, заключающегося в употреблении синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях с дополнительными коннотациями [Арнольд 2006: 223]. Исследователь подробно рассматривает два вида транспозиции: транспозицию повествовательного предложения в вопрос и обратную, преобразование вопроса в утвердительное предложение. В первом случае использование формальных показателей утвердительного предложения (прямой порядок слов) с вопросительной интонацией обогащает высказывание дополнительной эмотивностью, что оказывает большее воздействие на собеседника, привносит подтекст и субъективное отношение адресанта к ситуации. Во втором случае рассматривается риторический вопрос, функцией которого является не столько получение ответа, сколько привлечение внимания, усиление эмоционального тона, впечатления [там же: 224–225]. По И. В. Арнольд, возможна также транспозиция вопросительных предложений в побудительные и восклицательные, что придает речи большую эмоциональность [там же: 228].

Проблема переосмысления плана содержания высказывания в рамках анализа специфики парадигматического синтаксиса изучена в концепции Ю. М. Скребнева. Его классификация основана на переосмыслении синтаксических значений предложения, таких как вопрос, утверждение, отрицание и побуждение [Скребнев 1975: 114]. Автором представлены три типа предложений: отрицательно-вопросительные, или несобственно-утвердительные предложения, которые являются разновидностью риторического вопроса. Это предложения формально вопросительные, но утвердительные в плане содержания. Второй тип – несобственно-отрицательные предложения, содержащие отрицательное значение, которое формально не выражено. Такие предложения актуализируют коннотации недоверия, несогласия, иронии. Третий тип – несобственно-побудительные предложения, выполняющие функцию вопросительного предложения. Роль этих предложений заключается в актуализации семы императивности без формального участия императива [там же: 114–115].

В функциональной стилистике рассматривается роль интеррогативности в текстах различных функциональных стилей. В научных текстах вопрошание трактуется как ментальная деятельность исследователя по выявлению и развертыванию нового знания [Чагин 2013]. Она направлена на изучение глубоких сторон сущности мира и человека, законов действительности в процессе научного познания. Целью интеррогатив-

ности в научном тексте является получение новых знаний о мире. Интеррогативность рассматривается как атрибут научного текста, как фактор, обуславливающий типологическое свойство научности текста [Алексеева, Шутёмова 2012: 7–8]. Вопрос в научном тексте способствует рефлексии, т. е. переосмыслению автором собственного знания, а также чужих мнений, концепций, научных результатов [Кобелева 2007]. Посредством использования вопросительных конструкций реализуется диалогичность научного текста, проявляющаяся в факторе адресованности речи [Викторова 2019: 57; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 306–307]. М. Н. Кожина утверждает, что текстам научного стиля присуща эмотивность и экспрессивность. В качестве средств усиления выразительности она приводит использование проблемных вопросов и вопросно-ответных комплексов [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 302].

Интеррогативность в текстах, принадлежащих к публицистическому функциональному стилю, направлена на реализацию одной из важнейших функций, присущих данным текстам, а именно экспрессивной функции. Вопрос здесь является средством обращения к читателю и концентрации читательского внимания на проблеме, освещаемой в тексте. В газетной речи вопрос необходим для создания атмосферы непринужденного взаимодействия между автором и читателем [там же: 359–360]. В официально-деловых текстах вопрос необходим для реализации стилевой черты точности, не допускающей инотолкования. В текстах данного типа широко используются уточняющие вопросы, направленные на восполнение недостающей информации, а также для осуществления регулировочной функции [там же: 335].

В текстах художественного стиля интеррогативность служит реализации индивидуально-авторской эстетической концепции. Интеррогативность как свойство художественного текста характеризуется субъективностью, эмотивностью, экспрессивностью, оценочностью. В художественном тексте интеррогативность репрезентирована различными средствами поэтического синтаксиса. И. И. Ковтунова, изучая особенности поэтического синтаксиса, разделяет вопросительные высказывания на два типа: вопросительные высказывания с невопросительным значением (риторический / квазивопрос), являющиеся экспрессивной формой утверждения, и вопросительные высказывания с собственно вопросительным значением. Лирические вопросы могут быть обращены как к внутреннему адресату, так и к внешнему, который может быть эксплицирован в виде читателя, человечества и некоего «наадресата». Характерной чертой лирического

вопроса является его безответность, т. е. целью вопроса не является получение ответа, его функция – воспроизвести динамику эмоционального и мыслительного процесса (внутреннюю работу мысли) [Ковтунова 1986: 128–142]. Лирические вопросы, по И. И. Ковтуновой, обладают познавательной ценностью, поскольку в поэзии ставятся вопросы о сути вещей, о времени, о судьбах и т. д. В этом, по мысли исследователя, воплощается познавательная природа лирики. К функциям лирического вопроса И. И. Ковтунова относит модальную (выражение желания / нежелания, эмоциональной оценки), изобразительную (характеристика событий, героев и т. д.), коммуникативную (донесение сообщения) [там же].

Проблема изучения интеррогативности как языкового и речевого явления актуальна и в современных зарубежных исследованиях. Как и в отечественных работах, в них освещаются проблемы грамматики, стилистики, функционального потенциала вопросительных предложений, их роли в различных типах дискурса (педагогическом, психологическом, юридическом и других), их прагматического воздействия. Эти вопросы рассматриваются на материале разных языков: английского, норвежского, немецкого, китайского и его диалектов, еврейского, испанского, японского и др. Актуально изучение границ вопросительного и невопросительного значения в вопросительных конструкциях, например, в специальных вопросах (wh-questions), которые, по мнению исследователей, в конкретном речевом акте функционируют как риторические вопросы [Ozerov 2019]. Актуализация невопросительного значения в вопросах подобного типа зависит от таких факторов, как интонация, цель сообщения, коммуникативная ситуация в целом [там же]. В поэтике риторический вопрос выполняет функции эмоционального окрашивания речи и создания образности. Отмечается активное использование риторического вопроса не только в художественном дискурсе, но и в публичной речи, где данный стилистический прием зачастую необходим для убеждения оппонента [Cuddon 2013: 606]. Как мы видим, понимание риторического вопроса, представленное в зарубежной лингвистической традиции, не противоречит отечественным взглядам на данную проблему.

Частотны также междисциплинарные исследования на стыке лингвистики, психологии, педагогики, экономики. Например, коммуникация рассматривается учеными в терминах микроэкономики, поскольку запрос информации сравнивается с затратами, которые говорящий стремится минимизировать. Предлагается социально-экономическая модель коммуникации, в которой участники избегают использования вопросов или

предпочитают общие вопросы с целью получения самой необходимой и максимально сжатой информации [Siemund 2017]. Актуальны исследования, посвященные проблемам детской речи, поведения детей, где понятие интеррогативности также является одним из ключевых. Так, изучаются проблемы усвоения грамматики (инверсия при построении вопросительных предложений) у детей-билингвов [Cuza 2016]; интерес представляют проблемы детской познавательной активности в условиях урока в различных коммуникативных ситуациях [Albu 2015]. Полагают, что желание и способность задавать вопросы является необходимым компонентом процесса обучения и компетенцией, которая формируется в определенных условиях. Предлагается классификация типов поведения преподавателя, которые способствуют более или менее «вопросительности» на занятиях с детьми: «разъяснительная» (expository) модель поведения педагога, «описательно-объяснительная» модель (descriptive – expository – explanatory) и «вопросительно-поисковая» модель (interrogative – investigative – explanatory). Последняя модель поведения педагога на занятии считается наиболее способствующей развитию когнитивных способностей студентов и развивает в них понимание ценности научного поиска и выведения знания [там же].

Подводя итог обзору вышеизложенных концепций, мы можем сделать вывод, что в лингвистике интеррогативность осмысливается комплексно с позиций коммуникативного, семантического, стилистического, грамматического, когнитивного аспектов. В науке признается гносеологический потенциал интеррогативности, неоднородность функций, сложная семантическая организация, стилистическая вариативность, диалогичность, коммуникативная и когнитивная обусловленность. Ввиду семантической и функциональной неоднородности интеррогативности возникает проблема несоответствия вопросительной семантики и способов ее языковой репрезентации. Следовательно, мы можем говорить о наличии в тексте явной, эксплицитной интеррогативности, которая выражена формальными показателями вопроса (интонация, инвертированный порядок слов, слова-маркеры), а также имплицитной интеррогативности, которая является в контексте, но не выражена формально вопросительными средствами. В функциональном аспекте интеррогативность непосредственно связана с текстообразующей функцией, а также служит реализации свойств образности в художественном тексте, точности в официально-деловом тексте, экспрессивности и апеллятивности в публицистическом тексте и научности в научном тексте.

Список литературы

- Аверьянов Л. Я. Почему люди задают вопросы? М.: Социолог, 1993. 152 с.
- Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода. Пермь, 2012. 198 с.
- Аристотель. Аналитики. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1952. URL: <http://bookre.org/reader?file=63-9912&prg=437> (дата обращения: 10.12.2019).
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 380 с.
- Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М.: «Прогресс», 1981. URL: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (дата обращения: 05.11.2019).
- Вольф М. Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4(16). С. 146–159.
- Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. С. 57–62.
- Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (дата обращения: 01.11.2019).
- Волюшина Т. Г., Миронова Г. В. Семантика и прагматика косвенных речевых актов вопросительных конструкций (на материале англоязычных сценарных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69). С. 72–74.
- Гадамер Г. Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. URL: <https://topuch.ru/i-g-galperin-ocherki-po-stilistike-anglijskogo-yazika/index17.html> (дата обращения: 26.09.2019).
- Декарт Р. Правила для руководства ума // Рене Декарт. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3958> (дата обращения: 15.12.2019).
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esper/ (дата обращения: 02.11.2019).
- Кессиди Ф. Х. Сократ. СПб.: Алетейя, 2001. 345 с. URL: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/researches/itemlist/category/26-ksocr> (дата обращения: 15.12.2019).
- Кобелева М. А. Категория интеррогативности как атрибут научного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. 1(79). С. 57–61.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Наука, 2008. 463 с.
- Логинов А. В. Функциональная периферия категории интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012а. № 5(16). С. 104–108.
- Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012б. № 6(17). С. 82–85.
- Мостовая Л. А. Вопросительные косвенные речевые акты (КРА) со значением отрицания // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2(9). С. 112–114.
- Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. М., 2009. № 4. С. 39–45.
- Нерсеяну В. С. Сократ. М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996. 312 с. URL: <https://e-libra.ru/read/435304-sokrat.html> (дата обращения: 18.12.2019).
- Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 18.12.2019).
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки слав. культуры, 2001. 544 с.
- Прытков В. П., Ивлев Ю. В., Симонов А. И. Вопрос и ответ // Гуманитарный портал. 2019. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (дата обращения: 15.12.2019).
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения: 20.12.2019).
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.
- Сычева И. Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1> (дата обращения: 06.11.2019).

Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/-philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998. URL: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (дата обращения: 12.12.2019).

Чагин И. В. Научное вопрошание и проблемы научного перевода // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: сб. тез. докл. ежегодной междунар. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2013. С. 35–36.

Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelny-96649.html> (дата обращения: 15.10.2019).

Albu G. Interrogative Style in the Subsequent Development of School. Case Study // *Procedia: Social and Behavioral Sciences*. 2015. P. 1548–1554.

Cuddon J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Penguin, 2013. 996 p.

Cuza A. The Status of Interrogative Subject–Verb Inversion in Spanish-English Bilingual Children // *Lingua*. 2016. Vol. 180. P. 124–138. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S024384116300274> (дата обращения: 20.01.2020).

Hintikka J., Harris S. On the Logic of Interrogative Inquiry // *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1988. Vol. 1. P. 233–240.

Mutanen A. The Interrogative Model of Inquiry as a Logic of Scientific Reasoning // *Вестник РУДН. Философия*. М., 2011. № 3. С. 22–30.

Ozerov P. This is not an Interrogative: the Prosody of “Wh-questions” in Hebrew and the Sources of Their Questioning and Rhetorical Interpretations // *Language Sciences*. 2019. Vol. 72. P. 13–35. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000118300263> (дата обращения: 20.01.2020).

Siemund P. Interrogative Clauses in English and the Social Economics of Questions // *Journal of Pragmatics*. 2017. Vol. 119. P. 15–32. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216616306853> (дата обращения: 10.12.2019).

References

Aver'yanov L. Ya. *Pochemu lyudi zadayut voprosy?* [Why do people ask questions?]. Moscow, Sotsiolog Publ., 1993. 152 p. (In Russ.)

Alekseeva L. M., Shutemova N. V. *Tipologiya perevoda* [Typology of translation]. Perm, Perm State University Press, 2012. 198 p. (In Russ.)

Aristotle. *Analitiki* [Analytics]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1952. Available at: <http://bookre.org/>

reader?file=639912&pg=437 (accessed 10.12.2019). (In Russ.)

Arnold I. V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Contemporary English language]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. Issues of logic and semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 380 p. (In Russ.)

Belnap N., Steel T. *Logika voprosov i otvetov* [The logic of questions and answers]. Moscow, Progress Publ., 1981. Available at: <https://scicenter.online/logika-uchebnik-scicenter/logika-voprosov-otvetov-moskva-progress.html> (accessed 05.11.2019). (In Russ.)

Volf M. N. Epistemicheskiy poisk v dialoge Platona 'Menon' [Epistemic inquiry in Plato's Meno]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2011, issue 4 (16), pp. 146–159 (In Russ.)

Viktorova E. Yu. O nekotorykh proyavleniyakh dialogichnosti v russkom nauchnom diskurse [On some manifestations of dialogism in Russian scientific discourse]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the 21st century]. Perm, Perm State University Press, 2019, pp. 57–62. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 562 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (accessed 01.11.2019). (In Russ.)

Voloshina T. G., Mironova G. V. Semantika i pragmatika kosvennykh rechevykh aktov voprositel'nykh konstruktsiy (na materiale angloyazychnykh stsenarnykh tekstov) [Semantics and pragmatics of indirect speech acts of interrogative constructions (based on English-language scenarios)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, issue 3, pp. 72–74. (In Russ.)

Gadamer H. G. *Istina i metod* [Truth and method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/gadamer-istina_i_metod.pdf (accessed 15.12.2019). (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow, 1958. Available at: <https://topuch.ru/i-r-galeperin-ocherki-po-stilistike-angliyskogo-yazyka/index17.html> (accessed 26.09.2019). (In Russ.)

Descartes R. *Pravila dlya rukovodstva uma* [Rules for the direction of the mind]. *Rene Dekart. Sochineniya v 2 t.* [Rene Descartes. A collection of works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/-basis/3958> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)

- Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, 1958. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/esp/er/ (accessed 02.11.2019). (In Russ.)
- Kessidi F. Kh. *Sokrat* [Socrates]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. 345 p. Available at: <http://platoakademeia.ru/index.php/ru/e-library/researches/-itemlist/category/26-ksocr> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Kobeleva M. A. Kategoriya interroгатivnosti kak atribut nauchnogo teksta [Interrogativity category as an attribute of scientific text]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, issue 1(79), pp. 57–61. (In Russ.)
- Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)
- Kovtunova I. I. *Poeticheskij sintaksis* [Poetical syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p. (In Russ.)
- Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p. (In Russ.)
- Loginov A. V. Funktsional'naya periferiya kategorii interroгатivnosti [Functional periphery of interrogativity category]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, issue 5, pp. 104–108. (In Russ.)
- Loginov A. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya semantiki interroгатivnosti [Lexical means of expressing the semantics of interrogativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2012, issue 6, pp. 82–85. (In Russ.)
- Mostovaya L. A. Voprositel'nye kosvennye rechevye akty (KRA) so znacheniem otritsaniya [Interrogative indirect speech acts with negative meaning]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2008, issue 2, pp. 112–114. (In Russ.)
- Mostovaya L. A. Ritoricheskij vopros v gruppe kosvennykh rechevykh aktov [Rhetorical question in the group of indirect speech acts]. *Vestnik RUDN. Russkij i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2009, issue 4, pp. 39–45. (In Russ.)
- Nerseyants V. S. *Sokrat* [Socrates]. Moscow, INFRA-M – NORMA Publ., 1996. 312 p. Available at: <https://e-libra.ru/read/435304-sokrat.html> (accessed 18.12.2019). (In Russ.)
- Austin J. Slovo kak deystvie [A word as an action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 18.12.2019). (In Russ.)
- Peshkovskiy A. M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian language from a scientific perspective]. Moscow, LRC Publishing House, 2001. 544 p. (In Russ.)
- Prytkov V. P., Ivlev Yu. V., Simonov A. I. Vopros i otvet [Question and answer]. *Gumanitarnyy portal* [Website of the Humanities], 2019. Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7350> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Searle J. R. Kosvennye rechevye akty [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 20.12.2019). (In Russ.)
- Searle J. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutory speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], 1986, issue 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (accessed 15.12.2019). (In Russ.)
- Skrebnev Yu. M. *Ocherk teorii stilistiki* [Essay on theory of stylistics]. Gor'kiy, 1975. 175 p. (In Russ.)
- Sycheva I. B. *Vstrechnyy vopros i ego funktsionirovanie v dinamike dialoga*: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Counter-question and its functioning in the dynamics of dialogue. Abstract of cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2008. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1> (accessed 06.11.2019). (In Russ.)
- Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkiv, Folio Publ., 2003. 503 p. Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (accessed 12.12.2019). (In Russ.)
- Heidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni [History of the Concept of Time: Prolegomena]. Tomsk, 1998. Available at: http://www.odinblago.ru/haideger_prolegomeni/ (accessed 12.12.2019). (In Russ.)
- Chagin I. V. Nauchnoe voproskanie i problemy nauchnogo perevoda [Scientific interrogation and issues of scientific translation]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. Sbornik tezisov dokladov ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Current issues of German, Romance and Russian languages studies. Proceedings of annual international conference]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2013, pp. 35–36. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 2. Sintaksis [Syntax]. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyk-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (accessed 15.10.2019). (In Russ.)

Albu G. Interrogative style in the subsequent development of school. Case study. *Procedia: Social and Behavioral Sciences*, 2015, pp. 1548–1554. (In Eng.)

Cuddon J. A. *The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory*. Penguin, 2013. 996 p. (In Eng.)

Cuza A. The status of interrogative subject–verb inversion in Spanish-English bilingual children. *Lingua*, 2016, vol. 180, pp. 124–138. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S024384116300274> (accessed 20.01.2020). (In Eng.)

Hintikka J., Harris S. On the logic of interrogative inquiry. *Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1988, vol. 1, pp. 233–240. (In Eng.)

Mutanen A. The interrogative model of inquiry as a logic of scientific reasoning. *Vestnik RUDN. Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2011, issue 3, pp. 22–30. (In Eng.)

Ozerov P. This is not an interrogative: the prosody of 'wh-questions' in Hebrew and the sources of their questioning and rhetorical interpretations. *Language Sciences*, 2019, vol. 72, pp. 13–35. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0388000118300263> (accessed 20.01.2020). (In Eng.)

Siemund P. Interrogative clauses In English and the social economics of questions. *Journal of Pragmatics*, 2017, vol. 119, pp. 15–32. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216616306853> (accessed 10.12.2019). (In Eng.)

INTERPRETATIONS OF THE NOTION 'INTERROGATIVITY' IN LINGUISTICS

Katerina Yu. Gladkova

Senior Lecturer in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. Katerina_G_L@mail.ru

SPIN-code: 9747-1840

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7603-2082>

Submitted 25.02.2020

The paper addresses different approaches to the interpretation of the notion 'interrogativity' in science. This notion is under constant study in different fields of knowledge, such as philosophy, logics, pedagogy, psychology, sociology, linguistics, literature studies, etc. The paper aims to study approaches to the interpretation of the notion 'interrogativity' in linguistics in its different aspects; therefore, the above notion is analyzed in grammar, semantics, stylistics, functional stylistics, pragmatics, theory of speech acts. The author also analyzes the notion in a historical retrospective, providing philosophical and logical background of its appearance in linguistics, where it preserves its epistemological sense. From the linguistic point of view, the semantics, functions and formal ways of representation of the above notion in language are considered in the paper. In the aspect of grammar, formal ways of representation of the above category are analyzed. In the aspect of semantics, the content and various functions are under consideration. From the stylistic point of view, the role of interrogativity in texts of various functional styles (e. g. literary text, scientific text, official documents, journalistic text) is analyzed. Numerous research works concerning the notion of linguistic interrogativity claim that it may be either explicit or implicit. Explicit interrogativity means that the semantics of interrogation is presented in the text by formal means of a question (word order, intonation, question words), while implicit interrogativity presupposes interrogative semantics in statements.

Key words: interrogativity; interrogative; question; rhetorical question; lyrical question; semantics; pragmatics; functional style.